

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-3-504-513
УДК 82.01

Научная статья / Research article

Миметическое желание, соперничество между отцом и сыном и травматичный опыт в новелле И.С. Тургенева «Первая любовь»

Ш. Липке

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Институт Св. Фомы,
Российская Федерация, 105005, Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 46, стр. 4*
✉ stephanlipkesj@gmail.com

Аннотация. В предлагаемом исследовании новелла И.С. Тургенева «Первая любовь» изучается в ключе теории об эдиповом конфликте, однако не столько согласно концепции З. Фрейда, в которой эротическое желание является основой для соперничества между отцом и сыном, а, наоборот, в свете пересмотра концепции Фрейда его последователями Ш. Ференци, Дж.М. Мейссоном и преимущественно Р. Жираром, то есть первичны травматичные взаимоотношения между сыном и родителями, на фоне которых возникает соперничество, и только в связи с этим – эротическое влечение отца и сына к одной и той же женщине. Тем не менее символы, присущие в наблюдениях в ключе фрейдизма, например детская куртка, которую мать главного героя заставляет носить в присутствии его тайной возлюбленной, вырванная ею прядь его волос, потеря им ножа, которым он намеревался убить соперника, превосходство отца в верховой езде и хлыст, которым отец бьет Зинаиду, сохраняют свое значение для исследования. Сделан вывод о том, что для новеллы первичен отказ родителей Владимира соответствовать своей роли; это одновременно становится травмой для него, а для отца – основой для эротического соперничества. Когда же сын понимает, что Зинаида стала любовницей отца и тем более, что их отношения болезненны, это становится для него столь глубокой травмой и даже символической кастрацией, что в дальнейшей жизни Владимир неспособен любить и преодолевать обстоятельства ради осуществления своих намерений. В этой связи он скорее доживает свою жизнь и остается холостым.

Ключевые слова: З. Фрейд, Эдипов конфликт, Р. Жирар, миметическое желание, символическая кастрация

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 19 января 2022 г.; откорректирована 3 мая 2022 г.; принята к публикации 1 июня 2022 г.

© Липке Ш., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Липке Ш. Миметическое желание, соперничество между отцом и сыном и травматичный опыт в новелле И.С. Тургенева «Первая любовь» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 504–513. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-504-513>

Mimetic desire, competition between father and son and traumatic experience in Ivan Turgenev's novella "First Love"

Stephan Lipke

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

St. Thomas Institute, 46 Fridrikha Engelsa St., bldg 4, Moscow, 105005, Russian Federation

✉ stephanlipkesj@gmail.com

Abstract. Ivan Turgenev's novella "First Love" in the light of the Oedipus conflict is studied. But it's done not according to S. Freud's conception, in which erotic desire is the starting point and crucial aspect of the conflict between father and son. Rather, it interprets the way it is understood by Freud's heirs S. Ferenczi and J.M. Masson, and even more in the light of R. Girard's culturology. Thus, what is crucial for the author is the competitive conflict in itself, which only in a second step leads to father and son desiring the same woman. Nevertheless, some symbols that might play a role in Freud's psychoanalytic observations are important for as well. Among these symbols are the jacket fit for children which his mother forces Vladimir to wear in Zinaida's presence, Vladimir's hair torn out by Zinaida, the knife with which Vladimir wanted to kill his rival but which he drops, the fact that Vladimir's father rides on horseback better than Vladimir, and the whip with which the father beats Zinaida. To our point of view, the starting point of the plot is that Vladimir's parents do not care for him. This is a trauma for the young man and the origin of an erotic rivalry for his father. When Vladimir discovers that Zinaida is his father's lover and, even more, that they are unhappy in their relationship, this becomes a profound trauma for the young man, one could even say, it symbolically castrates him. Later on, he is not able to love or to overcome circumstances in order to reach his aims. He rather somehow goes on instead of living. For example, he does not marry.

Keywords: S. Freud, Oedipus conflict, R. Girard, mimetic desire, symbolic castration

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 19, 2022; revised May 3, 2022; accepted June 1, 2022.

For citation: Lipke, S. (2022). Mimetic desire, competition between father and son and traumatic experience in Ivan Turgenev's novella "First Love". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(3), 504–513. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-504-153>

Введение

Важной составляющей изучения творчества И.С. Тургенева давно является психология. Например, В.М. Маркович, обращаясь к тематике «Человек в романах И.С. Тургенева», не в последнюю очередь изучает поиски любви,

в частности в романах, близких по времени к изучаемой нами новелле: «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне» и «Отцы и дети» (Маркович, 1975, с. 88–91). В.Н. Топоров обращает внимание, что Тургенев «странный» писатель, который, например, в «Первой любви», дотрагивается до глубин любви и смерти, остающихся при этом и для него самого тайнами (Топоров, 1998, с. 54–101). Л.Я. Гинзбург подчеркивает, что для Тургенева важно, но трудно создать психологически верный образ героя (Гинзбург, 1999, с. 61). С.А. Кибальник изучает новеллу «Первая любовь» в качестве текста «о любви как добровольном рабстве» (Кибальник, 2014, с. 21), тем самым сосредоточиваясь на отношениях между Владимиром и Зинаидой и, хотя и не явно, включая новеллу в ряд таких повестей, как «Ася», «Вешние воды» и «Песнь торжествующей любви», посвященных взаимоотношениям между мужчиной и женщиной. Соперничество между отцом и сыном в ключе теории З. Фрейда об эдиповом конфликте видит в новелле Г.Н. Боева (2019, с. 80–92), обращающая внимание на временную связь новеллы с романом, который именно так и называется «Отцы и дети» (Боева, 2019, с. 83). С.А. Шульц, в свою очередь, изучает сюжетную линию любовного соперничества между отцом и сыном в новелле «Первая любовь» И.С. Тургенева и в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, выявив связь обоих произведений с комедией «Клиция» Н. Макиавелли (Шульц, 2021, с. 9–20).

На данном фоне научная новизна настоящей статьи заключается в том, что впервые изучаются корни любовного соперничества между отцом и сыном такими, какими их представляет не столько теория З. Фрейда об эдиповом конфликте, сколько ее трансформация последователями Фрейда Ш. Ференци и Дж.М. Мейссоном, а также культурологом Р. Жираром. Актуальность исследования связана с тем, что концепция Жирара, теперь активно привлекаемая в русском литературоведении, правда почти исключительно для интерпретации творчества Ф.М. Достоевского (Родин, 2020, с. 97–104; 2021, с. 42–51), к которому и сам Жирар обращался (Жирар, 2012, с. 41–133), может внести существенный вклад и в изучение психологической составляющей творчества И.С. Тургенева.

Как известно, для З. Фрейда соперничество между отцом и сыном, ведущее к эдипову конфликту, возникает не на пустом месте. Наоборот, первичную роль играет эротическое желание мальчика как таковое, чьим естественным изначальным объектом является мать (Фрейд, 1991, с. 368). Только из-за этого желания, по мнению Фрейда, заложенного в каждом мальчике (*mutatis mutandis* и в каждой девочке), возникает конфликт с отцом.

Р. Жирар читает данные Фрейда ровно наоборот. По его мнению, первично соперничество как таковое. Оно возникает, когда на фоне «миметического кризиса», то есть кризиса, связанного с желанием подражать другому человеку, стираются различия между людьми, и общество становится неструктурированным (Жирар. Козел отпущения, 2010а, с. 58–59; Жирар. Насилие и священное, 2010b, с. 87), например в связи с тем, что отец отсутствует или отказывается вести себя, как отец, что приравнивает его к сыновьям. Именно тогда между отцом и сыном возникает соперничество, которого бы быть не могло, если бы отец был твердо уверен в своей отцовской роли.

И именно в связи с соперничеством возникает насилие (Жирар. Козел отпущения, 2010а, с. 30–31). Это не общечеловеческое явление, а результат разрушения иерархий в западном обществе (Жирар. Насилие и священное, 2010б, с. 246–247). Фрейд же почувствовал значимость миметического соперничества, но до идеи его приоритета так и не дошел, потому что на общечеловеческой первичности эротического желания строится психоанализ (Жирар. Насилие и священное, 2010б, с. 241–243).

С исторической точки зрения на самом деле высказывание Фрейда и его школы о первичности эротического желания как такового является результатом определенного выбора. Это решение Фрейда отказаться от собственной изначальной, резко осужденной коллегами идеи, что раннее возникновение сексуального желания и эмоциональный хаос, связанный с эдиповым конфликтом, является не выражением природы ребенка, а результатом ранней травмы, в частности пережитого опыта сексуального насилия. Данное мнение Фрейд высказал в докладе 1896 г. на собрании коллег в Вене (Freud, 1984, с. 269). Однако его доклад вызвал недоразумение или даже ярость (Masson, 1984, с. 9–10). Именно поэтому после долгих колебаний в 1905 г. Фрейд отказался от данной позиции и стал утверждать, что рассказы пациентов о пережитом сексуальном насилии – продукты большой фантазии людей, которые не сумели продуктивно переработать свои эдиповы желания (Masson, 1984, с. 11–12).

Возобновили же, хотя при этом и оставшись маргиналами, первичную интуицию Фрейда после Первой мировой войны его ученик Ш. Ференци (Ferenczi, 1984, с. 283–296), а в 1970–1980-е гг. исследователь архивных материалов Фрейда Дж.М. Мейссон (Masson, 1984, с. I–XXIV).

В настоящем исследовании выдвигается гипотеза, что в новелле «Первая любовь» И.С. Тургенева любовное соперничество между отцом и сыном не только вызывает травму, но и возникает в связи с более ранней травмой, которая, правда, связана не с сексуальным насилием, а с отстраненностью между сыном и родителями.

Эротическое соперничество и травма

В обрамляющем действии новеллы хозяин дома подозревает, что история первой любви Владимира Петровича каким-то образом связана с тем фактом, что он остался холостяком (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 303). На самом деле главный герой прерывает рассказ, восклицая: «О, кроткие чувства, мягкие звуки, доброта и утихание тронутой души, тающая радость первых умилений любви, – где вы, где вы?» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 323). Также в финале, подводя итоги, он говорит: «Какую богатую будущность предвидел, когда едва проводил одним вздохом, одним унылым ощущением на миг возникший призрак моей первой любви? А что сбылось из всего того, на что я надеялся?» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 363).

Факт, что мало сбылось из мечт Владимира, связан с тем, что уже его первая любовь обернулась соперничеством с отцом. На вечеринке у Зинаиды, в которую Владимир тайно влюблен, другой ее поклонник, поэт Майданов, читает свои стихи: «Иль, может быть, соперник тайный / Тебя нежданно покорил?»

Тогда, как сообщает Владимир, его «глаза и глаза Зинаиды встретились» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 330). В этот момент Владимир думает: «Боже мой! Она полюбила!» и чувствует ревность (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 330). Затем же он постепенно понимает, что его соперник – собственный отец (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 340, 350, 354).

Данное соперничество в случае Владимира заканчивается травмой. Он говорит, когда окончательно понимает, что у Зинаиды роман с его отцом: «Все было кончено. Все цветы мои были вырваны разом и лежали вокруг меня, разбросанные и истоптанные» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 354). На эту травму указывает также рубец на руке Зинаиды после удара хлыстом со стороны отца (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 360), символически соответствующий лишению ее девственности. Знание, что Зинаиду бьют, для Владимира болезненно, он рассказывает, что у него «слезы лились. „Ее бьют, – думал [он], – бьют... бьют...“» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 360). Для Владимира это должно быть особым унижением, потому что Зинаида пожаловала его себе в пажи, то есть поручила ему быть неотлучно подле нее (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 342), заботиться о ней и защищать ее. Таким образом, открытие, что Зинаида в отношениях с его отцом, и тем более болезненных, «станет для него жесточайшей травмой, которая наложит отпечаток на всю его жизнь» (Боева, 2019, 86).

Эту травму можно даже в некотором смысле назвать кастрацией. Она возникает еще прежде, когда «ревнивый, готовый на убийство Отелло внезапно превратился в школьника...» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 351), потому что Владимир, желающий убить любовника Зинаиды, на убийство отца не решается (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 351). В этом смысле действительно «главное поражение он потерпел от своего отца, место которого он так никогда и не занял, оставшись инфантильной личностью» (Боева, 2019, 88). Символом кастрации является то, что Владимир бросает нож, указывающий на силу мужской страсти (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 351). Этому соответствует, кстати, тот факт, что отец, раскаявшись в своей ярости, бросает хлыст, после чего он впервые оказывается беспомощным в отношении супруги (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 360–362; Боева, 2019, с. 88). Результат же травмы или символической кастрации заключается в том, что Владимир не женится и проводит жизнь бесплодно.

Однако лишение Владимира мужской силы происходит даже ранее, и там оно также связано с отношениями между отцом и Зинаидой. Зинаида выдергивает у Владимира небольшую прядь волос (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 335), что напоминает библейский сказ о том, как Далила влюбила в себя Самсона, повелела остричь его и тем самым лишила его безмерной, данной Богом силы (Суд. 16, 19). На самом деле, на восклицание Владимира, что ему «больно» от того, что Зинаида рвет его волосы, она отвечает: «А! больно! а мне не больно? не больно?» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 335). Строго говоря, в тексте не упоминается, отчего ей больно. Однако единственное, о чем может идти речь, – то, что ее отношения с человеком, которого она, как догадывается Владимир, «полюбила» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 330, 331, 335) и которым, как он на тот момент не знает, является его

отец, болезненны. Об их болезненности свидетельствует еще один, более поздний факт: однажды отец и Зинаида возвращаются с прогулки верхом, причем, как замечает Владимир, отец «красен как рак <...> а она... Отчего она такая бледная? ездил верхом целое утро – и бледная?» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 340).

На разницу между тайным любовником, который должен быть зрелым человеком, и мальчиком Владимиром здесь дополнительно указывает, что сцена с прядью волос следует непосредственно после того, как Зинаида призналась, что облака ей напоминают паруса корабля, на котором Клеопатра плыла к Антонию. Римскому полководцу, как оказывается, было за сорок лет, как и отцу Владимира (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 335; Боева, 2019, 89). Таким образом, отец причиняет Зинаиде боль, а это ведет к тому, что она выдергивает у Владимира волосы. Это указывает на лишение Владимира мужской силы, косвенно совершенное его отцом. Ведь после этой сцены Владимир в своих размышлениях единственный раз соглашается с обычно обидной для него мыслью Зинаиды, что он – ребенок (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 336, 312, 342, 352).

Решение отца

Следует правильно оценить роль отца в процессе, из-за которого Владимир остается ребенком. С.А. Шульц утверждает, что «отец не подозревает о чувстве к Зинаиде сына» (Шульц, 2021, 14). Однако отец впервые идет к семейству Зинаиды после того, как сын ему «подробно» рассказал все, что там пережил во время своих первых визитов, в частности после того, как Владимир, хотя сначала и неохотно, но все же «начал превозносить» Зинаиду (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 325). Более того, во время рассказа сына отец слушает «полувнимательно, полурассеянно», подзадоривает Владимира «короткими вопросами и возражениями», а затем он «задумался, потянулся и встал» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 325). В этом смысле можно сказать, что именно интерес сына к Зинаиде вызывает интерес отца и что отец вступает в связь с Зинаидой не из эротического желания, которого на тот момент у него еще быть не может, так как он Зинаиду лично еще не знает, а именно из стремления показать сыну, что тот еще ребенок. В этом ключе здесь, действительно, как в концепции Р. Жирара, первично соперничество, стремление отца показать сыну свое превосходство. Можно даже сказать, что Шульцу, так же как библеистам, с которыми спорит Жирар, «неколебимый культ желания мешает» (Жирар. Козел отпущения, 2010а, 214) осознать первичность не эротического желания, а соперничества: желания отца показать сыну, кто из них сильнее.

Это подтверждает также символика, связанная с данной ситуацией: во время рассказа Владимира отец слушает, «рисую кончиком хлыста на песке» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 325). Здесь присутствует тот же хлыст, который и в дальнейшем символизирует силу мужской воли (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 324), той воли, которой он, по крайней мере, до последней ссоры с Зинаидой, отличается от сына. Его на данный момент делает сильным то, что им, в отличие от Владимира, не управляют эмоции. Именно это показывает факт, что его спокойное слушание сопровождается жест с хлыстом.

Со сценой ближе к финалу новеллы данный эпизод также связан тем, что отец собирается ехать верхом. Сын напрашивается в спутники, но отец отказывается от езды, тем самым восстанавливая обычное «равнодушно-ласковое» отношение к сыну (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 325), и именно в пользу визита у Засекиных. Ближе к финалу же он разрешает сыну сопровождать себя, с тем чтобы отец шел к Зинаиде, а Владимир ждал его неподалеку (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 358), то есть снова с целью подчеркнуть разницу между собой, взрослым человеком, и мальчиком Владимиром в отношении Зинаиды – тем более что лошади и верховая езда, безусловно, связаны с сексуальной силой, и отец подчеркивает, что его конь сильнее «клепера» Владимира (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 357).

Отношения между сыном и родителями

Это происходит на фоне того, что отец «никогда не оскорблял» сына, «уважал [его] свободу» и «даже был, если можно так выразиться, вежлив» с ним, но при этом «почти не занимался [его] воспитанием», обычно «не допускал [его] до себя» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 323) и всяким образом показывал сыну, что между ними нет близких отношений, а даже если иногда возникало близкое между ними общение, тем не менее это быстро и бесследно проходило и «не давало [Владимиру] никаких надежд на будущее, точно [он] все это во сне видел» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 324). Таким образом, унижение сына в рамках соперничества за Зинаиду происходит на фоне того, что, как в концепции Р. Жирара, отца как такового в жизни Владимира почти нет.

То, что он мало принимает участие в воспитании сына, что бывает ласковым, но без постоянства, мешает сыну стать взрослой, самостоятельной личностью. В этом смысле можно действительно сказать, что фоном эдипова конфликта, как подозревает Ш. Ференци, и в этом случае является травма, нанесенная сыну прежде, – с той правкой, что это не травма сексуального насилия, а травма нестабильных и неблизких отношений между отцом и сыном.

В то же время отец относится к сыну как к себе равному, что усиливает риск соперничества между ними. Именно на этом фоне, более или менее сознательно приняв решение «кастрировать» сына, он отправляется к Засекиным. И эту «кастрацию» он завершает, отправляясь верхом вместе с сыном на свидание с Зинаидой, а затем еще, в свой последний день жизни, когда в письме призывает Владимира: «Бойся женской любви, бойся этого счастья, этой отравы...» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 362). В этом смысле неудивительно, что Владимир, почувствовавший свою беспомощность в соперничестве с отцом, а затем и беспомощность самого отца, действительно не женится и, как говорит Г.Н. Боева, «доживает свою жизнь, как придется» (Боева, 2019, 88). На это указывает и финальный эпизод новеллы, в котором, года четыре спустя, Владимир не пользуется возможностью навестить Зинаиду. Такое желание у него есть, но мешают внешние обстоятельства, а он не принимает решения, что визит важнее обстоятельств. А когда он, наконец, приезжает к Зинаиде, ему сообщают, что она, вышедшая замуж по расчету, четыре дня назад умерла от родов (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 362).

В «кастрации» Владимира принимает участие также и его мать. И здесь это связано с отсутствием родительской заботы в жизни молодого человека. Владимир рассказывает: «Матушка почти никогда не обращала на меня внимания» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 304). Он также констатирует: «Никто не стеснял моей свободы» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 304). Даже когда сын остался до позднего вечера у Засекиных, она немного ругает его за то, что он был у людей „не comme il faut“ и недостаточно занимается подготовкой ко вступительным экзаменам в университет, но он знает, что заботы матушки о [его] занятиях ограничатся этими немногими словами» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 304). Таким образом подтверждается мнение Р. Жирара, что эротическое желание не является источником соперничества; его источником является травматичный опыт, что сын хочет иметь настоящих родителей, но родители отказываются соответствовать этой роли (Жирар. *Насилие и священное*, 2010b, с. 246–247).

Активно же мать «кастрирует» сына, когда семья ожидает прихода Засекиных на обед. Владимир надевает «сюртучок и галстук», потому что «гости будут» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 317). Таким образом, он хочет показать себя перед Зинаидой взрослым человеком. Однако мать, которая обычно не вмешивается в жизнь сына, запрещает ему носить сюртучок, так как Засекины в ее глазах не настоящие гости (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 317). Она также обращает внимание, что совсем недавно сыну сшили куртку, тем самым подчеркивая, что его еще не признали взрослым. А Владимир реагирует следующим образом: «Надо было покориться. Я заменил сюртучок курткой, но галстуха не снял» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 317). В связи с этим при Зинаиде, в частности в момент ухода Засекиных, он стоит «в своей куцей куртке и [глядит] на пол, словно к смерти приговоренный» (Тургенев, 1978–2018, т. 6, с. 318).

Таким образом к сыну оба родителя относятся не с любовью, а в основном равнодушно, поэтому между ними и сыном нет тех отношений, которым положено быть между родителями и детьми. В этом заключается первичная травма Владимира. Более того, на этом фоне, как того следует ожидать согласно концепции Р. Жирара, возникает соперничество: потенциальное взросление сына они воспринимают как угрозу. В связи с этим они не дают ему стать взрослым любящим человеком. Это подчеркивается такими символами его «кастрации» и вторичной травмы, как «кучая куртка» или превосходство отца в верховой езде.

Заключение

«Первая любовь» – это новелла об эротическом соперничестве между отцом и сыном, возникшем в травматичной атмосфере, а именно: при отсутствии настоящих отношений между родителями и сыном. Травматична для сына прежде всего неустойчивость отношений с отцом, обычная холодность последнего, которая только изредка сменяется нежностью и доброжелательностью, но ненадолго. С отсутствием собственно родительских к Владимиру отношений связано также то, что родители не позволяют ему стать взрослым человеком. Отец даже вступает в эротическое соперничество с ним и, естествен-

но, выигрывает, причем соперничество возникает определенно, как по концепции Р. Жирара, не на фоне совпадения эротических желаний, а как таковое, и только потом оно ведет к совпадению эротических желаний. Эдипов конфликт для Владимира заканчивается катастрофой. Его жизнь остается бесплодной, а он – холостяком. Символами его «кастрации» являются, к примеру, «куцая куртка», которую его заставляет носить мать, потеря Владимиром ножа, символа мужской страсти в виде ревности, вырванная Зинаидой прядь волос Владимира, а также хлыст, которым отец бьет Зинаиду.

Список литературы

- Боева Г.Н.* Предвкушение фрейдизма: опыт интерпретации И.С. Тургенева «Первая любовь» // IV Фрейдовские чтения: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции / под ред. М.М. Решетникова. СПб.: Восточноевропейский институт психоанализа, 2019. С. 80–92.
- Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999. 416 с.
- Жирар Р.* Достоевский. От двойника к единству // Критика из подполья. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 41–133.
- Жирар Р.* Козел отпущения / пер. с французского Г. Дашевского. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.
- Жирар Р.* Насилие и священное / пер. с французского Г. Дашевского. Изд. 2-е, испр. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.
- Кибальник С.А.* К вопросу о философии любви в творчестве Тургенева и Достоевского // Спасский вестник. 2014. № 22. С. 20–24.
- Маркович В.М.* Человек в романах И.С. Тургенева. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1975. 152 с.
- Родин К.А.* Достоевский Бахтина и Достоевский Рене Жирара: сравнительный анализ // *Respublica Literaria*. 2021. Т. 2. № 3. С. 42–51. <http://doi.org/10.47850/RL.2021.2.3.42-51>
- Родин К.А.* Треугольник желания Рене Жирара и сознание подпольного человека в «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 97–104. <http://doi.org/10.17223/1998863X/58/10>
- Топоров В.Н.* Странный Тургенев (четыре главы). М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. 192 с.
- Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский дом). М.: Наука, 1978–2018.
- Фрейд З. «Я» и «Оно» / пер. Л. Голлербах // «Я» и «Оно»: труды разных лет. Тбилиси: Мерани, 1991. Кн. 1. С. 351–392.
- Шульц С.А.* Макиавелли – Тургенев – Достоевский: трансформация трагикомического сюжетного мотива («Клиция», «Первая любовь», «Братья Карамазовы») // Литературоведческий журнал. 2021. № 1 (51). С. 9–20. <http://doi.org/10.31249/litzhur/2021.51.01>
- Ferenczi S.* Confusion of tongues between adults and the child // *The Assault on Truth: Freud's Suppression of the Seduction Theory* / J. M. Masson. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1984. Pp. 283–295.
- Freud S.* The Aetiology of hysteria // *The Assault on Truth: Freud's Suppression of the Seduction Theory* / J. M. Masson. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1984. Pp. 251–282.
- Masson J.M.* The assault on truth: Freud's suppression of the seduction theory. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1984. P. xxiv.

References

- Boeva, G.N. (2019). Anticipation of Freudianism: an attempt at an interpretation of I.S. Turgenev's story "First Love". *IV Freudovskie Chtenia: Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 80–92). St. Petersburg: Vostochnoevropeyskiy Institut Psikhoanaliza Publ. (In Russian)
- Ferenczi, S. (1984). Confusion of tongues between adults and the child. In J.M. Masson (Ed.), *The Assault on Truth: Freud's Suppression of the Seduction Theory* (pp. 283–295). New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Freud, S. (1984). The Aetiology of Hysteria (transl. J. Strachey). *Masson, J. M. The Assault on Truth: Freud's Suppression of the Seduction Theory*. New York: Farrar, Straus and Giroux. Pp. 251–282.
- Freud, S. (1991). The Ego and the Id. *The Ego and the Id: Works from Different Years* (book 1, pp. 351–392). Tbilisi: Merani. (In Russ.)
- Ginzburg, L.Ya. (1999). *On psychological prose*. Moscow: INTRADA Publ. (In Russ.)
- Girard, R. (2010a). *The scapegoat*. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha Publ. (In Russ.)
- Girard, R. (2010b). *Violence and the sacred*. 2nd, corrected edition. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russ.)
- Girard, R. (2012). Dostoevsky, from the double to the unity. *Critic from the Underground* (pp. 41–133). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russ.)
- Kibalnik, S.A. On the question of a philosophy of love in Turgenev's and Dostoevsky's work. *Spasskiy Vestnik*, (22), 20–24. (In Russ.)
- Markovich, V.M. (1975). *The human in I.S. Turgenev's novels*. Leningrad: Leningradskiy Universitet Publ. (In Russ.)
- Masson, J.M. (1984). *The assault on truth: Freud's suppression of the seduction theory* (p. XXIV). New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Rodin, K.A. (2020). René Girard's triangle of desire and the consciousness of the underground man in F.M. Dostoevsky's "Notes from Underground". *Tomsk State University Herald: Philosophy. Sociology. Politology*, (58), 97–104. (In Russ.) <http://doi.org/10.17223/1998863X/58/10>
- Rodin, K.A. (2021). Bakhtin's Dostoevsky and René Girard's Dostoevsky: Comparative analysis. *Republica Literaria*, 2(3), 42–51. (In Russ.) <http://doi.org/10.47850/RL.2021.2.3.42-51>
- Shulz, S.A. (2021). Machiavelli – Turgenev – Dostoevsky: Transformation of the tragicomic motif ("Cletia," "The First Love," "The Brothers Karamazov"). *Literaturovedcheskiy Zhurnal*, (1), 9–20. (In Russ.) <http://doi.org/10.31249/litzhur/2021.51.01>
- Toporov, V.N. (1998). *The strange Turgenev (four chapters)*. Moscow: Rossiyskiy Gosudarstvennyy Gumanitarnyy Universitet Publ. (In Russ.)
- Turgenev, I.S. (1978–2018). *Full collection of his works and letters*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Липке Штефан, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории философии, Российский университет дружбы народов, директор Института Св. Фомы. ORCID: 0000-0001-9072-6945. E-mail: stephanlipkesj@gmail.com

Bio note:

Stephan Lipke, Candidate of Science (Philology), Assistant Professor, History of Philosophy Department, Peoples' Friendship University (RUDN University), director of the St. Thomas Institute. ORCID: 0000-0001-9072-6945. E-mail: stephanlipkesj@gmail.com